

Н.В. Котрелёв:

«В мире стержень мировой истории – это борьба с христианством, борьба на его истребление»

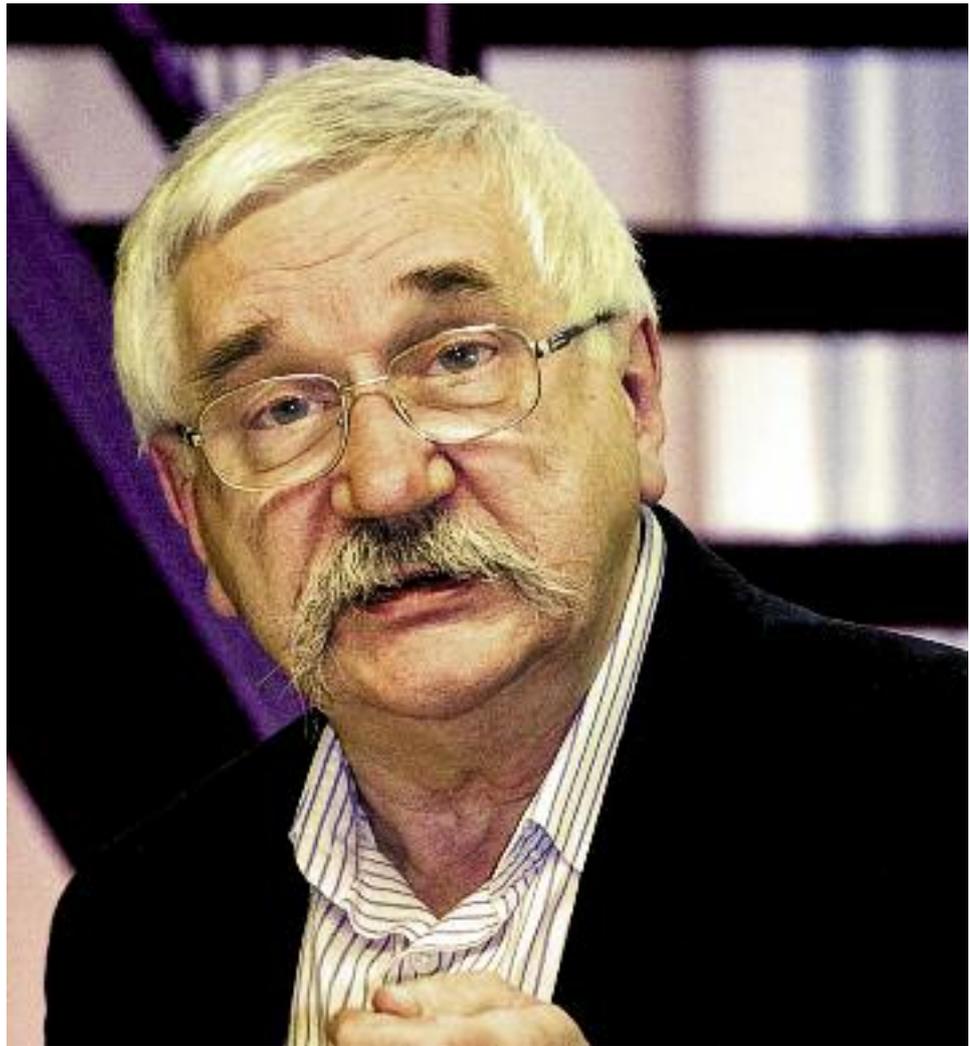
Интервью литературоведа и историка культуры **Николая Всеволодовича Котрелёва** заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Вадиму Прозорову

– **Николай Всеволодович, закодирована ли национальная идея в русской культуре и литературе, которой Вы занимаетесь всю жизнь, и можно ли ее дистиллировать?**

– Дистиллировать можно и нужно напитки выше 30 градусов. А опьянение национальными идеями – скверное дело. Даже если они кого-то воодушевляют, это не дистиллят, а эманация. Вот как в лес вы приходите и слышите, что лес живет, он ароматен, душист, иногда без всякого вторжения человека или животного он вонюч, растения сами по себе бывают вонючие. Но он сам всё это источает и этим живет. Я хочу подчеркнуть простую истину. Всё, что я могу Вам сказать, это слова не философа. Это слова среднего человека среднего образования. Вот я есмь средний человек, наделенный некоторым здравым смыслом и совестью. Я говорю честно, стараюсь говорить последовательно. К философии это не имеет никакого отношения. Вы разговариваете с московско-арбатским старожилом. Что же до национальной идеи – то это очень поздний продукт. Национальная идея появляется в XVII–XVIII веках. Вико, Гердер... До этого

было племя, племенная история, была семейная история, отношения кровного родства, близости. Но не национальная идея решала историю и влияла на ее становление. Племена приходили, вырезали другие племена. Но как это всё склеивалось? Не по национальному признаку. Единственным народом с подобным мироощущением и самосознанием был народ еврейский. А потому все национальные идеи так или иначе выстраивались по модели библейской истории и, соответственно, по обычаю носителей этой культуры, того исторического предания, которое евреи умели при любом повороте истории сохранять, мысля себя именно как особый и отдельный народ – но как народ перед Богом. И только поэтому к язычникам они относились не так, как к себе. Оттуда идут все поиски какой-то национальной идеи – русской или романской, немецкой, любой другой, по крайней мере, в европейской истории. За появлением и вызреванием национальных идей стоял распад того представления о мире, которым жило всё человечество до появления множества национальных идей. В XIX веке начинается

буйство — болгарское возрождение, ирландское возрождение, каталонцы и баски, украинцы... Причем чем сильнее была — в прямом смысле, физически — нация, тем больше она заботилась о своей национальной идее, которая осуществлялась любыми средствами. Например, представления о единстве, вся деятельность по воссоединению народа, принудительному соединению народов германских княжеств и королевств — это следствие именно национальной идеи. Бисмарк уже был воспитан в потребности соединить то, что никогда не хотело соединяться. Священная Римская империя германской нации — это не национальная идея. Точно так же и сильное русское государство стало вырабатывать русскую идею, грубо говоря, только в середине XIX века. Уже с рубежа XVII-XVIII веков, у тех же Вико и Гердера как главных прародителей, национальная модель стала вполне четко развиваться. Но она претворялась в жизнь далеко не сразу. Для того чтобы славянофилы стали говорить о русской идее, потребовалось 100 с лишним лет вот такого «идейного варева». И нужно было найти кого-нибудь, кто был способен эту идею осуществить. Оказалось, что это продуктивная модель мысли и исторического движения — но в то же время и ушербная. Не ей бы надо руководствоваться. А чем же? Вероятно, имперской идеей. Византия не знала национального деления в современном смысле слова, сообразно с «национальными идеями». Собственно, и Россия не очень его знала. Были различия, но они осознавались просто в том смысле, что люди разные. На русской почве славянофилам пришлось искать русский народ в неких подобающих исторических агентах и деятелях. При этом в качествах народа

существовали довольно серьезные сомнения. Вот такое вынужденное признание правды. Конечно, потом появилась очень даже мощная и серьезная дисциплина *Völkerpsychologie*, то есть анализ психологии народов — опять-таки немецкая наука. Это были анализ данностей и попытка реконструировать по данностям единство мыслимое, но не всегда ощущаемое, не всегда, быть может, реально существующее. И тогда шла речь о воспитании сообразно с кем-то вымышленной идеей воспитания всех остальных. А воспитание далеко не всегда продуктивно. Стало быть, с одной стороны, национальная идея есть, а с другой стороны — ее как бы и нет. Это конструкт неоднозначный, неоднозначный даже в исполнении партии близ-

ких друг другу людей, произвольно ветвящийся и легко превращающийся в идеологию, по крайней мере, в момент исполнения. С трибуны пресловутой ПАСЕ один из киевских лидеров намедни сказал: «Русские человечки вас сначала накормят, а потом зарежут». Мы-то все верили и верим, что русский человек добр и приветлив, а всё ж — в то же время не больше ли у нас народу сидит за чистую уголовщину, чем у других наций? Национальная идея, если она сознается, должна быть жизненным примером для тех, которые ее сознают. А под знаменем марксизма-ленинизма или торжества демократии, под любым западным знаменем национальная идея превращается во что-то человековредное, неудобно-

Тинторетто. Евреи в пустыне. 1593 год

Не национальная идея решала историю и влияла на ее становление. Единственным народом с подобным мироощущением и самосознанием был народ еврейский. А потому все национальные идеи так или иначе выстраивались по модели библейской истории и, соответственно, по обычаю носителей этой культуры, того исторического предания, которое евреи умели при любом повороте истории сохранять, мысля себя именно как особый и отдельный народ – но как народ перед Богом.

симое, лишнее. Нужно ради нее или «Краткий курс истории ВКП(б)», или «Майн кампф» издавать, или «Голос Америки» и «Свободу» образовывать. Что-нибудь из той области, которая человечеству вредна – из области людоедства.

– Вы полагаете, что нынешние поиски совершенно не нужны? Не стоит этим заниматься?

– Поиски... Можно искать Беловодское царство, можно искать «затерянный мир», можно искать элементарную частицу или планету, если она предсказана. Но искать то, что есть, – нельзя. Национальная идея – если она есть – живет во мне, в вас, в ваших соседях либо – превратно – в наших врагах. Но искать ее не надо. Ее надо исповедовать.

– Я имею в виду в данном случае – искать такую чеканную формулировку, которая объединила бы и сплотила народ.

– У нас 10 мудрецов сядут и потом начнут чеканить, возьмут и напечатают. Найдется 11-й, который скажет: «Вы, ребята, неправы категорически». И что-нибудь такое про Святого Владимира откроет, что... Нет, нужен необоримый процесс. Человек думает – и всякое думание сдвигает, претворяет все в мире. Культ творчества – это бред, потому что творишь ты или не творишь, а твоё мышление и твоё слово претворяют весь объём, весь наличный, исторически данный от Адама и Евы объём исторической жизни. Всякое движение, с одной стороны, следует приветствовать как

творческое. С другой стороны, нужно понимать, что оно вредно, так как открывает, творит новые вины в тебе самом, в человечестве. Послушаем страшные стихи Вячеслава Иванова, которыми – в 1919 году – он признавал свою, и друга, к которому обращено стихотворение, и многих вину в гибели своего и всех мира:

Г.И. Чулкову

*Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.*

*Гори же, истлей на самозданном
О, сердце-Феникс, очаге!
Свой суд приемли в нежеланном,
Тобою вызванном слуге!*

*Кто развязал Эолов мех,
Бурь не кори, не фарисействуй!
Поэт Трагедия: «Всё грех,
Что воля деет. Все за всех!»
А Воля действенная: «Действуй!»*

– Правильно ли я понимаю то, что Вы сейчас сказали: нацио-

нальная идея живет и стихийно развивается в нас?

— Разумеется, она в какой-то мере управляема. Разумеется, мы воспитываем детей и должны отдавать себе отчет в том, что всё наше поведение так или иначе влияет на наших соседей по дому, в метро и по обе стороны океана. Человек един. Вообще, может быть, существует всего один человек. Но поэтому к каждому движению нужно относиться аккуратно, строго. Законы, которые перед тобой стоят, — это не законы национальной идеи, а то, что написано у Моисея, в Евангелии или донесено в предании. Национальная идея, как говорили латиняне, *horribile dictu*, слабее идеи имперской. Единственная культура, всерьёз честная, — это культура имперская. И в этом смысле *Pax Americana* — культура бесчестная, тогда как *Pax Romana* была культурой честной. Римляне таковы — и всё тут. А американцы таковы — да вот, присмотреться, не таковы, какими себя помышляют и навязывают другим. В этом смысле имперская идея не предосудительна, потому что ее столкновение с национальными идеями отчасти связано с болезненным развитием национальных идей как раковой опухоли. Большая общность стала распадаться, потому что в Европе утрачивалась религиозность общность, разрывалась связь христианская. Но человеку невозможно быть одному. А кто же тогда мои близкие? Ну как же, мы все — немцы, немцы! И не смейте спорить! А то, что баварцы — католики, а пруссаки — протестанты, это же забыто. Как какой-то малопочтенный писатель от лица редактора пишет в «Независимой газете»: «Человек может исповедовать любые средневековые представления — иудаизма, христианства, магометанства, но жить-то надо по законам XXI

века». Этот писатель навязывает мне антропологическую парадигму, мне несвойственную. Он меня ломает и считает себя законодателем. В другой своей статейке он говорит: «Скоро вас бить будем, как лапутян». В Лапутии били воздушными шариками, да только этот писатель за Лапутию прячет реальную угрозу, напоминает о силе ягоды ежевики. Я боюсь этих людей, живущих по законам XXI века.

— **Хорошо, Вы говорите об имперской идее и об империи. А то, что у нас сейчас происходит, — это движение к чему?**

— Вы ждете от меня анализа того мира, в котором я живу, реального — начиная с покупок книжек и кончая крестинами внука, поездкой в Рим или Сергиев Посад, встречей в электричке или в самолете. И здесь я должен сказать опять, что я не философ и не социолог.

Вячеслав Иванов:

**«Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит».**

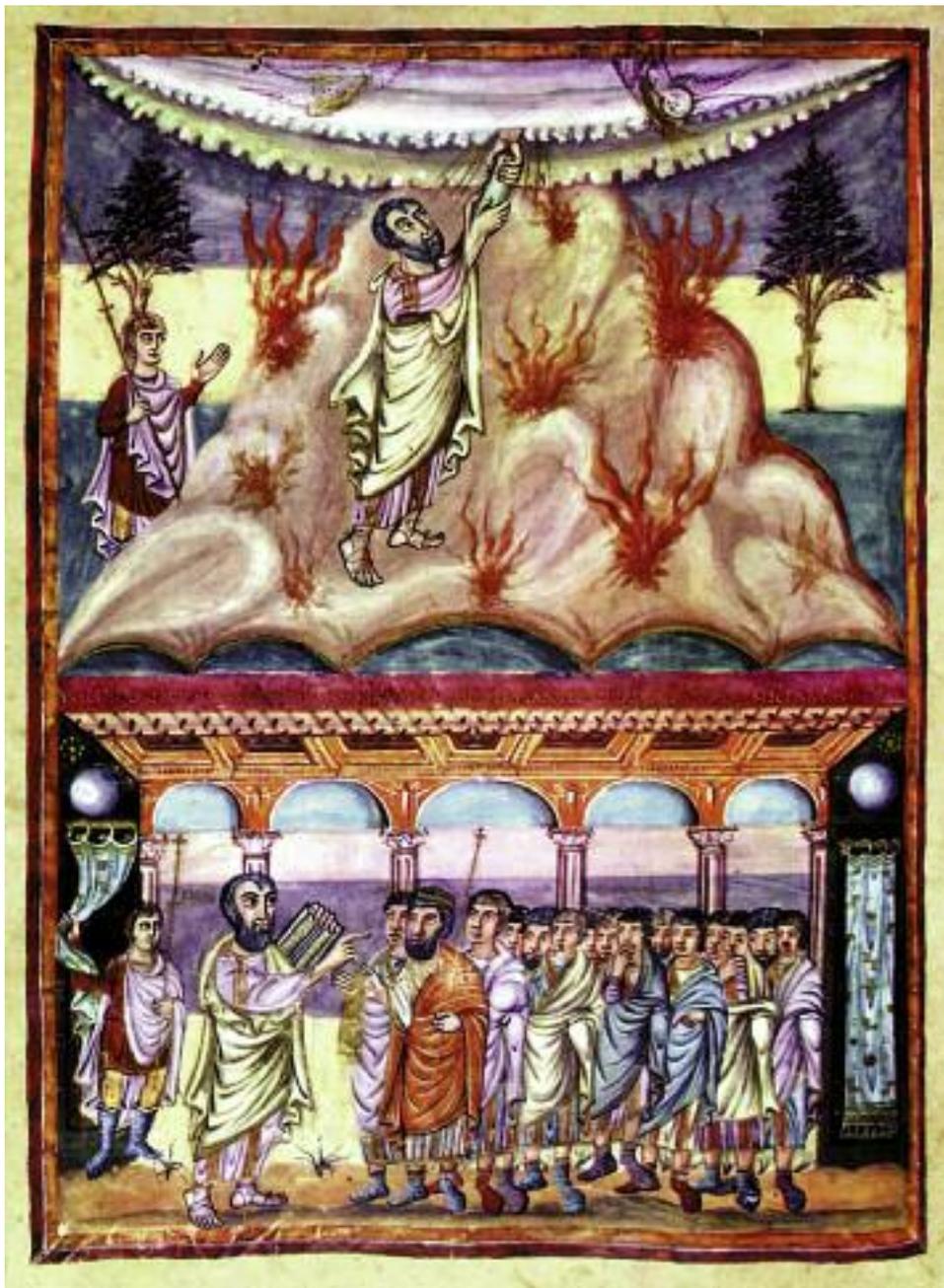
лог. Мое представление об этом мире — среднечеловеческое, безответственное. Но оно мое. В мире стержень мировой истории — это борьба с христианством, борьба на его истребление. Антихристианство обладает политической силой и армиями. Меньшинство навязывает свою жестокую волю всему человечеству. В мире христиане никогда большинством не были, но когда-то бывали большинством в некоторых государственных образованиях и человеческих общностях. Сегодня, во всяком случае, христианство безвластно и бессильно, то есть не владеет ни полицией, ни армией. Некоторые демократические механизмы подчинили либералам реальную власть, основанную на

Константин Сомов. Вячеслав Иванов. 1906 год

насилии, и монополии на физическое насилие передали тому меньшинству, которое себя именует либералами, демократами. Это безжалостные люди, готовые, как показывает ленинский опыт, или гитлеровский опыт, или американский опыт в Сирии и Ливии, на любое кровопролитие. Собственно говоря, после Хиросимы и Нагасаки должен был быть второй Нюрнбергский процесс. Холокост — что по-древнегречески означает всеожжение — был именно в Хиросиме и Нагасаки. Это было настоящее всеожжение. Мечтать о возвращении светского меча в руки папы можно, но только мечтать. А уж патриарх им никогда не обладал. Мечтать о возвращении империи можно. Скорее все-

Моисей получает Скрижали Завета и приносит их народу Израиля. Около 840 года

Законы, которые перед тобой стоят, – это не законы национальной идеи, а то, что написано у Моисея, в Евангелии или донесено в предании.

го, вероятность осуществления этих мечтаний ничтожная, нулевая. Поэтому нужно по мере сил оставаться в христианстве, стоять на страже, стоять лично перед Богом с исповеданием: «Да будет, Господи, воля Твоя, а не моя». Всё что мы знаем о мучениках – всё это грозит нашему поколению, или через два поколения, или через пятнадцать поко-

лений, когда наступит время последнего явления. Сказано – ждите, завтра или через минуту, но когда конкретно – вам не положено знать. Стойте в правде. Но, разумеется, так уж люди устроены, что возможны и возвращения к силе, могут быть реставрации. Исторически они всегда бывали непродуктивными, но тем не менее случались. Это дви-

жение описывается кривой вроде синусоиды – левое-правое, вверх-вниз, только гребень левого всегда опускается в преисподнюю земли всякий раз глубже, нежели правым удаётся поднять линию к свету, результирующая идет вниз. Таким образом, приобретение правого сознания при реставрации оказывается слабее, чем предыдущее правое сознание. И размах синусоиды – это не чистая синусоида, это такие горбыли, всплески... Либеральные всплески всегда выше. Словом, безрадостная картина. Разумеется, в моменты, когда человечество на секунду и немножко опаматывается, нужно, необходимо думать не о том, чтобы подчинить себе полицию, а о том, чтобы, как говорят люди менее приятные, «транслировать» свое наследие, то есть использовать такие периоды для максимально благоприятного для себя решения вопросов школы. То есть защиты права христианского меньшинства на исповедание той веры, которой люди живут. Школа много важнее и сильнее юридических норм! Именно поэтому с таким остервенением и с такой последовательностью антихристианство подчиняет себе школьные программы. Собственно говоря, религиозность есть антропологическое измерение, она составляет и структурирует цельное человеческое существо. Поэтому подавление или изменение вероисповедания разрушает человека. Человек должен иметь возможность спокойно, для себя убедительно исповедовать свою веру. Этому либерализм позволить не может и поэтому не хочет. Речь идет прежде всего о воспроизводстве общности, а не личности. Личность – это фантом. Уж тем более свобода – это бердяевский предрассудок. Живет сложный человек, многоглавый, многоликий. А христиан-

ство устроено именно на том, что человек един — Человек с большой буквы. Уединенно человеческая личность жить не может. Единственная молитва, которой научил людей сам Бог, начинается со слова «наш», а не «мой» — «Отче наш». Если посмотреть молитвослов, литургию, то все это говорит о том, что живем «мы», а не «я». Моя историческая ответственность не только перед потомками, но и перед моими предками. Лоно Авраамово довольно далеко от меня в череде поколений, но стремлюсь-то я к нему.

— Включают ли в себя русская культура и литература те элементы, которые помогут православному сообществу выстоять в противостоянии с секулярным миром?

— Русская литература — великая вещь. Она напоминает нам с вами воздух, без которого мы жить не можем, поскольку мы не рыбы и дышим не жабрами, а легкими. При этом если мы с вами начнем дышать одним кислородом, долго не протянем. Дышим мы той литературой, которая нам дана. Как еще прозорливо заметил товарищ Сталин, «другой у нас нет». Он был вполне реалистическим человеком. Как человек — не знаю, думаю, что не очень симпатичный. Как политический деятель — страшный. Но другого нам не дано. В русской литературе, в той смеси, которая нам дана, есть и азот, и углекислый газ, и ядовитые примеси, но в то же время, если присмотреться, — и вещи гораздо более жизненные. В ней есть всё. И раз в ней всё, в ней есть кислород. В ней есть отдельные произведения Пушкина, отдельные произведения Толстого. С точки зрения человеческой, воспитательной ценности, ни одного светского писателя нет абсолютно полезного. Наверняка найдется что-то душевредное, со-

блазнительное в самом великом, но и душеполезное может найтись у такого писателя, который в массе своей может быть и душевреден. Тем более может найтись и такой, который не связан напрямую с этическим воспитанием, с моралью. Не об этом ведь идет речь, когда я говорю о воспитании христианского человека. Скажем, какое особенное христианство у Цветаевой? Покойный Аверинцев говорил, что больше всех он любит Цветаеву. И объяснял, что сила слова, жизнь слова, которая была открыта Цветаевой и ею воспроизводилась, ею осуществлялась, в ней жила, в ней творила, может быть столь же поучительна, даже гораздо поучительнее, чем какие-нибудь «лампадные стихи», если пользоваться лексикой и метафорикой противной стороны. Вот, скажем, в самом христианском обществе постоянное соперничество — запретить театр или ходить в театр? Я считаю, что лучше бы запретить театр. Я дожил до своих 73 лет...

— Но Вы ходите в театр?

— Нет, уже не хожу. Когда-то я даже ходил в театральную школу..

— То есть Вы выступали на сцене?

— Бывал на сцене. И сын мой был актером, и внук мой собирается стать актером. И дядюшка мой очень любил свою профессию. Хоть он и был настоящим христианским человеком, но был актером. Другой жизни не мог себе представить, кроме как выходить на сцену. Он был актером очень маленьким, но очень хорошим. Для меня это та область, где искусство необязательно. Человек художественный, актер, музыкант должен быть настоящим. Нужно понимать и видеть простую вещь: та русская культура, про которую Вы задали мне вопрос, уходит под напором масскульта. Как-

то раз я взял в библиотеке журнал «Вестник Европы» за какой-то там 1890 год. На нем был наклеен ярлычок полковой библиотеки какого-то там полка, и стояло десяток записей о выдаче, без чинов. В полку читали, много читали. Несомненно, «Вестник Европы» не читали рядовые и унтер-офицеры. Значит, читали офицеры, хотя журнал был либеральный. Может, в 17-м году всё как раз и произошло оттого, что они читали либеральный журнал. А вот моему другу в 1961-1962 годах в армии формально запретили читать журнал «Новый мир». Был большой скандал в части. Он был рядовой, поэтому понижать его некуда было, но гонениям подвергался. Всё-таки массовая культура — это культура толпы метрополии, большого города, которая коренным образом отличается от того строя культуры, в котором возможен был Данте или Пушкин, при всей их хронологической разъединенности. Хотя и у Данте мы можем найти те зерна, которые породили «битлов» или Аллу Пугачеву. И то же самое можно сказать про Льва Толстого, про что угодно. Но есть принципиальная разница между увенчанным Петраркой или придворным поэтом английского романтизма — и дарованием рыцарского достоинства «битлам». Есть разница — и принципиальная. Культура захлопывается сама на себя. Ныне высокая культура маргинализируется. Она становится похожа на большую науку. Есть университетский кампус. Безусловно, он связан с миром, какие-то эманации, ретикулы, по которым что-то распространяется. Путь этот становится всякий раз длинней. Сама эта культура кампуса меняется, становится непродуктивной, или душевредной, или человеконенавистнической. Так и литература. Сегодняш-

Даниил Черный и Андрей Рублев. Лоно Авраамово. 1408 год

Моя историческая ответственность не только перед потомками, но и перед моими предками. Лоно Авраамово довольно далеко от меня в череде поколений, но стремлюсь-то я к нему.

няя литература. Мы не можем сегодняшнюю литературу навязать в качестве образца для подражания. Она навязывает сама себя. В этом смысле тоже можно смотреть на будущее только пессимистически. Реальных сил и реальных инструментов, чтобы вернуть ситуацию «Пушкин наше всё», нет. Можно смеяться над этим, но смех этот больше похож на хихиканье бесовское. — **Всё-таки есть хоть какие-то отрадные моменты, которые вселяют в Вас оптимизм? Или совсем ничего отрадного нет в современной литературе?**

— Да нет. Простая вещь. Когда плачут люди благонамеренные: «Ой, при советской власти тираж был 50 тысяч экземпляров, а сейчас — тысяча». Но и тираж той же Цветаевой или Вячеслава Иванова был равен сегодняшнему, и тираж хорошей книжки хорошего поэта в Италии или во Франции был такой же, как и

сейчас. При увеличении числа грамотных, при торжестве всеобщего образования нынешние тиражи итальянских или испанских поэтов меньше, чем мизерные тиражи 100-летней давности. Точно так же и тираж сегодняшнего хорошего поэта Жданова или Седаковой меньше, чем тираж Вячеслава Иванова. Я думаю, сегодня бальмонтовских тиражей нет ни у кого, кроме тех, которых возносит индустрия премий. Маргинализация так и происходит. Вся механика литературных премий, литературных репутаций работает на создание громких имен, всё чаще дутых. Этот бизнес всё властнее и зловреднее. Когда Тургенев писал или Лев Толстой, литературных премий не было, и ничего — жили. И даже по сравнению с сегодняшним днем мучительные заработки Достоевского позволяли ему жить очень даже неплохо...

— **Вы считаете, что современные литературные премии существуют сегодня только для рекламы какого-то товара — часто неважного качества?**

— Да, это коммерция. Теперь ведь уже не мастер главный агент культурного процесса, а продюсер. Товарищ Сталин теперь важнее, чем Эйзенштейн. Эйзенштейн — это так, а товарищ Сталин теперь и есть тот, кто главный. Посмотрите титры в фильмах. Я впервые догадался об этом лет пятнадцать назад, прочтя в какой-то газетке интервью с продюсером: «Да, я работал с Ростроповичем». У него в руках Ростропович работал!

— **Я хотел спросить о государстве. Какой совет Вы — как Вы утверждаете, «средний человек, наделенный некоторым здравым смыслом и совестью», — можете дать государству в области культурной политики? Тут что-то Вам нужно от государства?**

— Интересный вопрос. Ни с Обамой, ни с Путиным я лично не знаком. О первом не жалею, о втором даже жалею. Государство, безусловно, для

жизни вещь не то чтобы необходимая, но неустранимая. И поэтому лучше есть овощи не генно-модифицированные, а настоящие. Лучше было бы, если бы государство было человечно. Но и страшно, когда государство становится античеловечным. Государство прежде всего должно... Я не могу сказать, что государство должно. Государство, как поэзия, никому ничего не должно. Но государство — это люди. А в современной новой науке политологии и в философии вычленен некий конструкт, который называется власть. И будто бы вся проблема состоит в отношении общества с властью и в создании открытого общества и каких-то там ещё обществ с соблазнительными определениями. С одной стороны, это так, потому что власть институализована. Но с другой стороны, власть состоит из тех же людей. Общество эту власть выстраивает из себя. Поэтому упреки власти чаще всего возникают со стороны либералов — хотя тоже и со стороны крайних антилибералов, которые, к сожалению, не умнее, чем либералы, — упреки в том, что не они у власти. Власть должна твердо понимать, что она состоит из живых людей. И несправедливы всякие требования к власти такого типа: «Ты вошел во власть, а что ты со свечкой лежешь на амвон?» На амвон соваться нечего ни каким-то попрыгушкам — я хотел сказать другое слово, — ни первому лицу государства, если это не царь. Но на клиросе стоять примерно со свечкой можно и должно. Человек у власти должен оставаться человеком той веры, в которой он вырос, но эта вера, если он христианин, должна быть милостива и понастоящему веротерпима. А если это секулярный человек, то его — поскольку он бессовестный человек — уж точно должно подчинить каким-то

механизмам, которые ему воспрепятствуют преследовать мусульман, христиан, иудеев.

— Я хотел Вас спросить про Церковь, раз уж много раз здесь заходила речь о христианстве и православных корнях русской культуры. Какой Вы видите роль Церкви в сохранении традиций русской культуры?

— Единственная общность, которая в этом мире непротиворечива в своих основаниях, — это и есть Церковь. Поэтому всё что Церковь делает есть сохранение культуры.

— Вы имеете в виду Церковь как институт?

— Да, Вы же тоже спрашиваете о Церкви как институте? Что она может делать?

— Наша Церковь это делает как институт?

— Церковь как институт, как

Покойный Аверинцев говорил, что больше всех он любит Цветаеву (на фото в Коктебеле). И объяснял, что сила слова, жизнь слова, которая была открыта Цветаевой и ею воспроизводилась, ею осуществлялась, в ней жила, в ней творила, может быть столь же поучительна, даже гораздо поучительнее, чем какие-нибудь «лампадные стишки», если пользоваться лексикой и метафорикой противной стороны.

земное установление так же слаба, так же несовершенна, как любой из нас, как любой другой институт. В ней могут быть сильные стороны, слабые стороны, отвечающие прагматике сегодняшней жизни и не отвечающие. И если завтра вдруг окажется, что президент объявляет себя спасителем нации, вводит обязательный пост для всех и исповедные листы, то ведь лучше бы он этого не делал. И точно так же патриарх или папа возьмет да скажет: «Нет, к причастию не допущу не постившихся». Церковь также состоит из людей сегодняшнего дня с их тысячелетиями искореженной психикой. В этом ведь не только вина советских семидесяти с лишним лет, а и вина Российской империи, Римской империи и Византийской им-

перии, всей ветхозаветной человеческой истории. Всё это в нас живет, мы не *tabula rasa*, а наоборот — осуществление всего того, что в каждого на свой лад заложено и в каждом по-своему живет. В каких-то случаях можно было бы Церковь и упрекать. И церковная история строится из столкновений. Недаром на соборах бывали прения. Задачи Церкви — вовсе не прямые задачи, чтобы открывать школы и кормить нищих. Это у нее успешно перехватили короли и другие государи: из благого соревнования мы тоже будем лечить и привечать нищих и убогих. Церковь должна быть Церковью. То, что она делает, она и должна делать. Это долг не передо мной, а перед Господом. Она для этого установлена. А рождать Пушкиных...

Пушкина мама родила — и Арина Родионовна.

— Ну да, а крестили в православном храме.

— Всё верно. И он переложил Ефрема Сирина на русский язык. И хорошо переложил. Я не рискую ставить Церкви никаких задач, даже когда заседаю в какой-то комиссии. Там я думаю свою мысль — точно так же, как я работаю в качестве историка литературы.

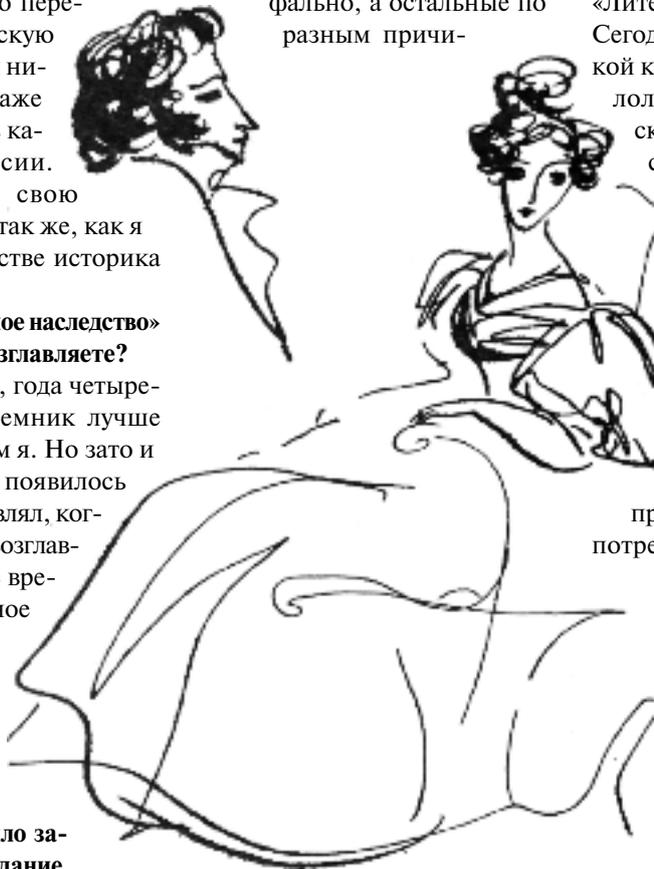
— А «Литературное наследство» Вы сейчас не возглавляете?

— Да уже давно, года четыре-пять. Мой преемник лучше возглавляет, чем я. Но зато и времени у меня появилось много. Я возглавлял, когда нечего было возглавлять — а в то же время «Литературное наследство» было. А сейчас функция этого издания, вероятно, умерла.

— Но это же было замечательное издание...

— Оно и есть до сих пор. У него были, по крайней мере, две исторические обязанности и заслуги. Это был воплощавший большую эпоху тип издания

«Архитектурное наследие» — другой тип издания, по сути, собрание авторских монографий. «Музыкальное наследие» было. И «Литературное наследство» выжило триумфально, а остальные по разным причи-

Надя Рушева. Из «Пушкинианы». 1960-е годы

нам захирели. Структура была заложена в XIX веке, но в «Литературном наследстве» дове-

дству, в постоянном протаскивании того, что хамская советская культура не допускала к публичности. В этом заслуга, польза необсуждаемая, самоочевидная, осязаемая от «Литературного наследства». Сегодня это наследство высокой культуры и высокого филологического, исторического значения не интересует общество. Возможны другие варианты — более продуктивные. Лучшее, что сделал Институт мировой литературы в 90-е — начале «нулевых», — это ФЭБ, Фундаментальная электронная библиотека. И Академия наук ее загубила. Этот проект отвечал реальным потребностям мира гораздо больше, чем *Google books*. Одна из моих больших удач состояла в том, что я имел непосредственное отношение к формированию ФЭБа как типа издания. ФЭБ еще работает и даже собирается пополниться.

— Она не пополнялась всё это время?

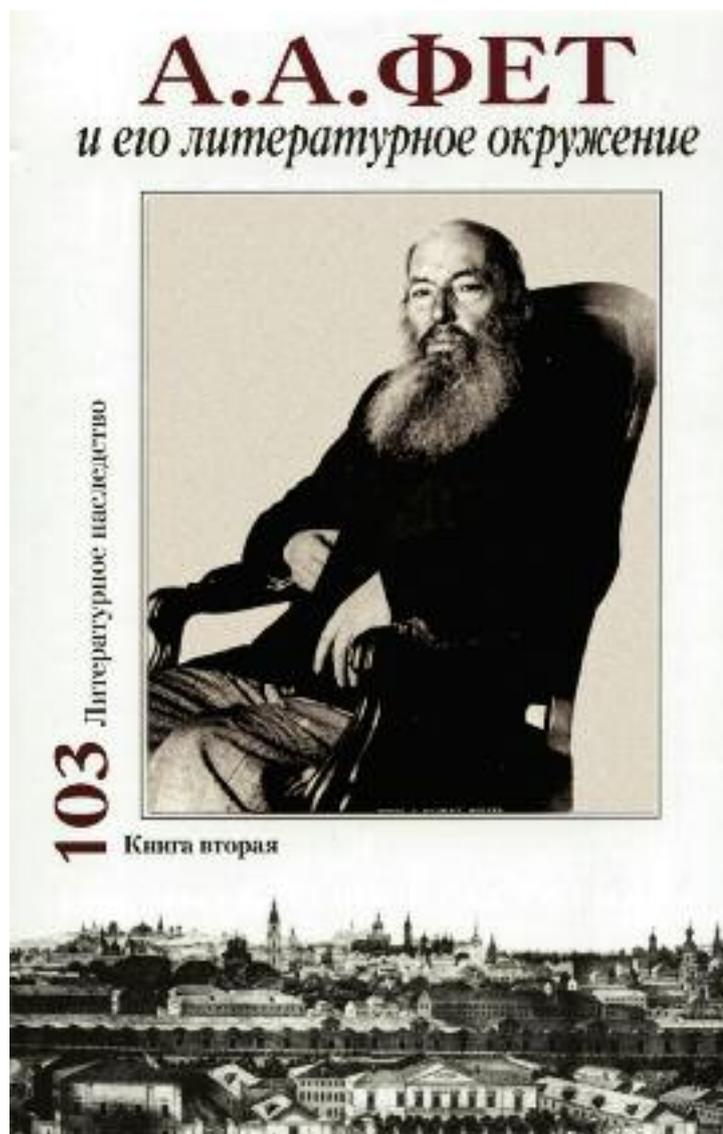
— Пополнялась, что-то заливалось, но не теми темпами, которые были возможны и нужны. Как раз перед тем как мне расстаться с этим замечательным институтом, ФЭБом, я уже поговаривал, что нужно переходить к изданию иностранцев. Это лучшее, что я вижу в наборе европейских и американских инструментов. Но Академия наук во всей своей мощи пренебрегла этим инструментом и ничего не сделала, потеряв темп, возможности, людей. В этом смысле государство должно работать. Академию наук необходимо сегодня реформировать, она не отвечает потребностям общества и, следовательно, государства. При этом какая-то часть академическо-

Мы не можем сегодняшнюю литературу навязать в качестве образца для подражания. Она навязывает сама себя. В этом смысле тоже можно смотреть на будущее только пессимистически. Реальных сил и реальных инструментов, чтобы вернуть ситуацию «Пушкин наше всё», нет. Можно смеяться над этим, но смех этот больше похож на хихиканье бесовское.

XIX-XX веков, сделанный с максимальной ответственностью. И это был русский архив, причем очень высокого качества. Из многих совершенно сродных начинаний выжило лишь оно — вспомним «Звенья», «Летописи Государственного литературного музея», искусствоведческое «Художественное наследие», «Архитектурное наследие». Но

дена до высот, которые не снились XIX веку. Однако этот тип издания сегодня не существует для экономически ориентированного мирового процесса. Другое дело, что это именно сохранение в самых неблагоприятных условиях советской культуры — высокой русской литературы. И дело не только в отдельных каких-то томах, но во всём пиетете к на-

го сообщества пострадает от реформ сегодня. Но надо понимать, что аналогичные процессы происходят в Европе, надо понимать, что это мейнстрим в европейской цивилизации, с одной стороны. С другой стороны, Академия наук — та, с которой приходится прощаться, — это сталинская Академия наук, это не Императорская академия. Императорская академия была другой. Сталинская Академия наук была неким предприятием, ориентированным на практику, на создание потенциала страны — ядерного и идеологического. Институт мировой литературы был безусловной потребностью, поскольку шла мировая борьба, разгорался мировой пожар, значит, нужно было заниматься мировой литературой. Но поскольку мирового пожара больше нет, то зачем нужна мировая литература? Чтобы отвечать этому имени, требуется полторы-две тысячи специалистов мирового класса по разным литературам — малайской и ашанти, ирокезов и марийцев и т.д. Тогда будет нечто похожее. Или достаточно десяти человек размером с Гёте, чтобы оставаться в рамках этой концепции. Может, и одного хватит. Ныне у РАН нет *raison d'être*. Когда советская экономика была замкнутой внутри себя системой, должен был появиться, например, институт, который занимается лаком и краской, хотя подобные учреждения существовали и в Германии. Но если есть немецкие институты, которые занимаются этим, зачем их дублировать сейчас? Российская наука на рубеже XIX–XX веков вышла вперед, взлетела ввысь. Она была потеряна из-за товарищей Ленина с Троцким, Милюкова — не к ночи будет помянут. Упущенный шанс русской цивилизации. Этот шанс западная цивилизация растоптала. Ле-

И дело не только в отдельных каких-то томах, но во всём пиетете к наследству, в постоянном протаскивании того, что хамская советская культура не допускала к публичности. В этом заслуга, польза необсуждаемая, самоочевидная, ощутимая от «Литературного наследия». Сегодня это наследство высокой культуры и высокого филологического, исторического значения не интересует общество.

нин и Троцкий — ведь это победа западников. Я сейчас читаю книжку Троцкого про Сталина. Совершенно очевидно, что этот человек считал западный мир образцом, к которому и надо было стремиться. — Николай Всеволодович, спасибо Вам за искреннюю беседу. Пускай после нее и остается пессимистическое послевкусие, но ведь, в конце концов, пессимизм тоже бывает разный. Есть

пессимизм упаднический, а есть — мобилизующий. Понятно, что в столь деликатной области, как культура, мобилизация может показаться неуместной. Хотя в то же время извечная борьба добра со злом, то есть реализация основного посыла христианства, — это ведь тоже в каком-то смысле мобилизация. И очень бы хотелось, чтобы Ваш пессимизм оказался именно таким — мобилизующим. ☺